

Государственный суверенитет и новые вызовы безопасности государства

Распад биполярной системы международных отношений положил конец противостоянию, которое теоретически могло привести к уничтожению человечества. Однако если в отношениях между бывшими соперниками установилась определенная гармония, то конфликты на мировой периферии, которая во времена противостояния по линии «Восток — Запад» выступала ареной «войн по доверенности», приобрели неконтролируемый характер. Инструментарий по поддержанию мира и безопасности оказался не приспособлен к такому увеличению напряженности.

Задаваясь вопросом о насущных проблемах, касающихся межгосударственных отношений, можно установить, что XXI в. по большей части унаследовал их от прошлого столетия. Действительно, проблемы международного терроризма и наркотрафика, межэтнические и межконфессиональные конфликты, доходящие до этнических чисток и геноцида, катастрофический уровень бедности, заражения СПИДом, перенаселение и многие другие, четко обозначившиеся во второй половине XX в., не решены до сих пор. Самое важное замечание, которое необходимо сделать в отношении ареала распространения этих бедствий, — они свойственны прежде всего государствам, образовавшимся в результате развала мировой колониальной системы. Безусловно, и в прежние времена существовали разногласия между различными конфессиями и этносами, а обширные территории охватывались страшными эпидемиями. Однако на сегодняшний день именно страны, обретшие независимость или даже просто государственность после формирования Ялтинско-потсдамской системы международных

отношений во главе с ООН, являются средоточием всех основных проблем человечества.

Следует очертить круг вопросов, которые связаны с вышеописанными государствами: проблемы границ, соотношение суверенитета и несостоявшихся или терпящих бедствие государств, право международного сообщества на вмешательство (гуманитарное). Все эти вопросы так или иначе связаны друг с другом. Но, прежде чем перейти к их рассмотрению, требуется изучить положения, лежащие в основе понятия «государственный суверенитет».

Вестфальский мир 1648 г., подписанием которого увенчалась Тридцатилетняя война, положил в основу взаимоотношений европейских государств принцип суверенитета и способствовал формированию государственно-центристской модели международных отношений: суверенитет государственной власти выражается в ее верховенстве и независимости от любых других властей внутри страны или во взаимоотношениях с другими государствами.

М. Лебедева в качестве основных источников суверенитета «по-вестфальски» называет наличие территории, наличие населения, проживающего на данной территории, легитимное управление населением, признание другими национальными государствами [1, 15]. Кроме того, особо подчеркивается, что государство должно обладать всей полнотой власти в собственных границах [Там же, 15; 2, 65; 3, 35]. Заметим, что понятие суверенитета возникло в ситуации, когда основные мировые события разворачивались на Европейском континенте, а большинства современных государств просто не существовало на картах, поскольку они входили в обширные колониальные владения великих держав. Более того, суверенные европейские державы сформировались как национальные государства. А чувство национальной общности значительно повышает легитимность существующего режима. Новообразовавшиеся государства Африки и Ближнего Востока в большинстве своем представляли «лоскутные одеяла», сплетенные из нескольких этносов. Зачастую отдельные группы населения просто исключались из политической жизни, что ставило под вопрос легитимность правления, лояльность той или иной группы людей.

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о границах. Названия государств мало о чем говорят. Есть Афганистан, но нет афганского этноса, а есть узбеки, таджики, белуджи и пуштуны. Кто такие иранцы? Это персы, азербайджанцы, курды и остальные. Такое рассечение границами этносов создает взрывоопасную ситуацию. Особенно в областях, населенных одним народом, но который находится на пересечении границ нескольких государств. Отсюда мы получаем такие «вечные меньшинства», как курды или туареги. Такие народы обладают большой численностью, но в каждом из государств, в которых они расселены, они являются меньшинством. Кумулятивный эффект сепаратизма производит такие геополитические проекты, как «Большой Курдистан» или «Большой Азавад». Угроза возникновения последнего всерьез проявилась в 2012–2013 гг. после захвата повстанцами-туарегами северной части Мали. Такие тенденции будут иметь место и в будущем, что, по всей видимости, выльется в появление на карте новых государств. Задача мирового сообщества — вовремя реагировать и решительно действовать на основании имеющегося опыта миротворчества и разделения конфликтующих сторон, а если потребуется — проводить новые границы, как в Судане.

Тем не менее, вопросы о границах и расселении этносов — лишь малая часть проблемы. Гораздо более серьезная ситуация возникает в случае, если силы безопасности и армии оказываются не в состоянии противостоять внутренним и внешним угрозам. Как следствие — «потеря политического контроля над собственной территорией, отсутствие монополии на применение силы внутри страны» [4]. Возникает вопрос о соответствии таких государств («failed states») принципам суверенитета.

Как было установлено, понятие суверенитета включает в себя полноту власти в пределах собственных границ. Но такие государства, как Сомали, Мали, Афганистан и многие другие, явно таким качеством не обладают. Более того, в таких государствах прибежище находят террористические группировки, которые просто не встречают сопротивления. По мнению видного политолога П. Ханны, «международные группы террористов по определению нарушают суверенитет государства, поэтому вряд ли

нарушение суверенитета для их поимки может считаться незаконным» [5, 162–163].

Но не только предоставление убежища террористам подрывает суверенитет. Полнота власти подразумевает способность в принципе выполнять основные функции государства. О каком суверенитете может идти речь в случае со странами, постоянно получающими продовольственную помощь или помощь для ликвидации последствий от стихийных бедствий (например, Гаити)? В настоящее время организацией «The Fund for Peace» даже ведется ежегодный рейтинг государств по степени их несостоятельности, т. е. эффективности управления, обеспечения безопасности и т. д. Так, по итогам 2012 г. Сомали «заслуженно» осталась во главе этого списка [см.: 6].

Наконец, должно или обязано ли международное сообщество вмешиваться во внутренние дела государств, раздираемых внутренними конфликтами, как то было описано выше? Например, в Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 г. четко прописано, что реализация концепции «ответственности по защите», при которой осуществляются «военные интервенции и прочие формы стороннего вмешательства, подрывающие устои международного права, основанные на принципе суверенного равенства государств», недопустима [7].

Однако следует заметить, что суверенитет — это не что-то, что имеется по умолчанию. Суверенитет складывается из степени соответствия необходимым принципам и требованиям. Сами по себе флаг, наличие институтов и пограничных столбов не являются свидетельством суверенного характера государства. Последний определяется степенью эффективности институтов и контролем территории вплоть до этих самых столбов.

Следует обратить внимание на следующие проблемные положения в деле борьбы с угрозами, исходящими от «бедствующих» государств. Во-первых, трудно обосновать международным договорным правом вмешательство с целью восстановления порядка. Во-вторых, действия в одностороннем порядке навлекают подозрения в своекорыстии. Как правило, такие подозрения возникают между мощными государствами, когда одно из них своими

действиями ущемляет интересы другого (по его мнению). В связи с этим логичными предложениями по сглаживанию противоречий могли бы стать следующие решения:

1. Делегирование полномочий региональным организациям, странам, не имевшим в прошлом колоний и не воспринимающим в качестве поработителей, и/или имеющим схожие культурные или языковые особенности. С этой целью необходимо также возродить инструмент по опеке. Желательными являются усилия как международных организаций, так и отдельных государств, направленные на увеличение боеспособности армий в проблемных регионах.

2. Следует считать «гуманитарную интервенцию» допустимой, если противоправные действия, описанные в концепции «ответственности по защите», создают реальную напряженность у границ. Право на вмешательство должно иметь только такое приграничное государство. Фактически, гуманитарное вмешательство может толковаться в данном случае как упреждающий удар.

Подобные меры могут снизить уровень недоверия в отношениях мировых держав и региональных лидеров, обеспечить более быстрое и гибкое реагирование на внутрисударственные кризисы. Соответственно, угроза быстрого ответа могла бы выступить сдерживающим фактором для сторон в конфликте.

Библиографические ссылки

1. *Лебедева М. М.* Мировая политика : учеб. для вузов. М., 2007.
2. Международное право / под ред. А. А. Ковалёва, С. В. Черниченко. М., 2006.
3. *Никитина Ю. А.* Международные отношения и мировая политика : Введение в специальность. М., 2012.
4. *Минаев М.* Проблематика «слабых государств» в американской аналитике. URL: <http://www.intertrends.ru/fourteen/008.htm> (дата обращения: 01.12.2013).
5. *Ханна П.* Как управлять миром. М., 2012.
6. The Failed States Index 2012. URL: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2012-sortable> (дата обращения: 21.12.2012).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 21.12.2013).